

***«Наполним
музыкой сердца».***

«Нытье - вещь
поверхностная, это
проще всего: у кого
нет неприятностей?
Нужно выявить более
сложное, более
глубокое. Нужно
заразить людей
светлым, хорошим.
Вот, элементарно
говоря, моё кредо».

Из автобиографии Юрия Визбора:

- «Я родился 20 июня 1934 года в Москве, в родильном доме им. Крупской, что на Миусах. Моя двадцатилетняя к тому времени матушка Мария Шевченко была привезена в Москву из Краснодара молодым, вспыльчивым и ревнивым командиром, бывшим моряком, Юзефом Визборасом (в России непонятное для пролетариата "ас" было отброшено, и отец мой стал просто Визбором)».

- Из неопубликованной повести «Здравствуйте, я вернулся!» дочери Визбора Татьяны:
- «На свою фамилию я впервые обратила внимание в школе и подошла к отцу с вопросом: "Почему у всех есть какие-нибудь прозвища, а меня зовут и обзывают одинаково - "Визбор"?" "Потому что, - ответил отец с гордостью, - "Визбор" - это не фамилия, это кличка"».

Детство и юность Визбора - это война и послевоенные годы.

Из неопубликованной повести «Если бы ты знал...» первой жены Визбора, журналистки, поэтессы Ады Якушиной: «...сизу после сдачи какого-то экзамена в нашем институтском дворике. Блаженствую: можно теперь хотя бы до завтра не заглядывать в учебник. Пригревает осеннее солнце, кружится разноцветная листва. Вижу, недалеко окружили девчонки двух парней. Один - кареглазый, коренастый, отчаянно жестикулируя, рассказывает, судя по всему, занятную историю.

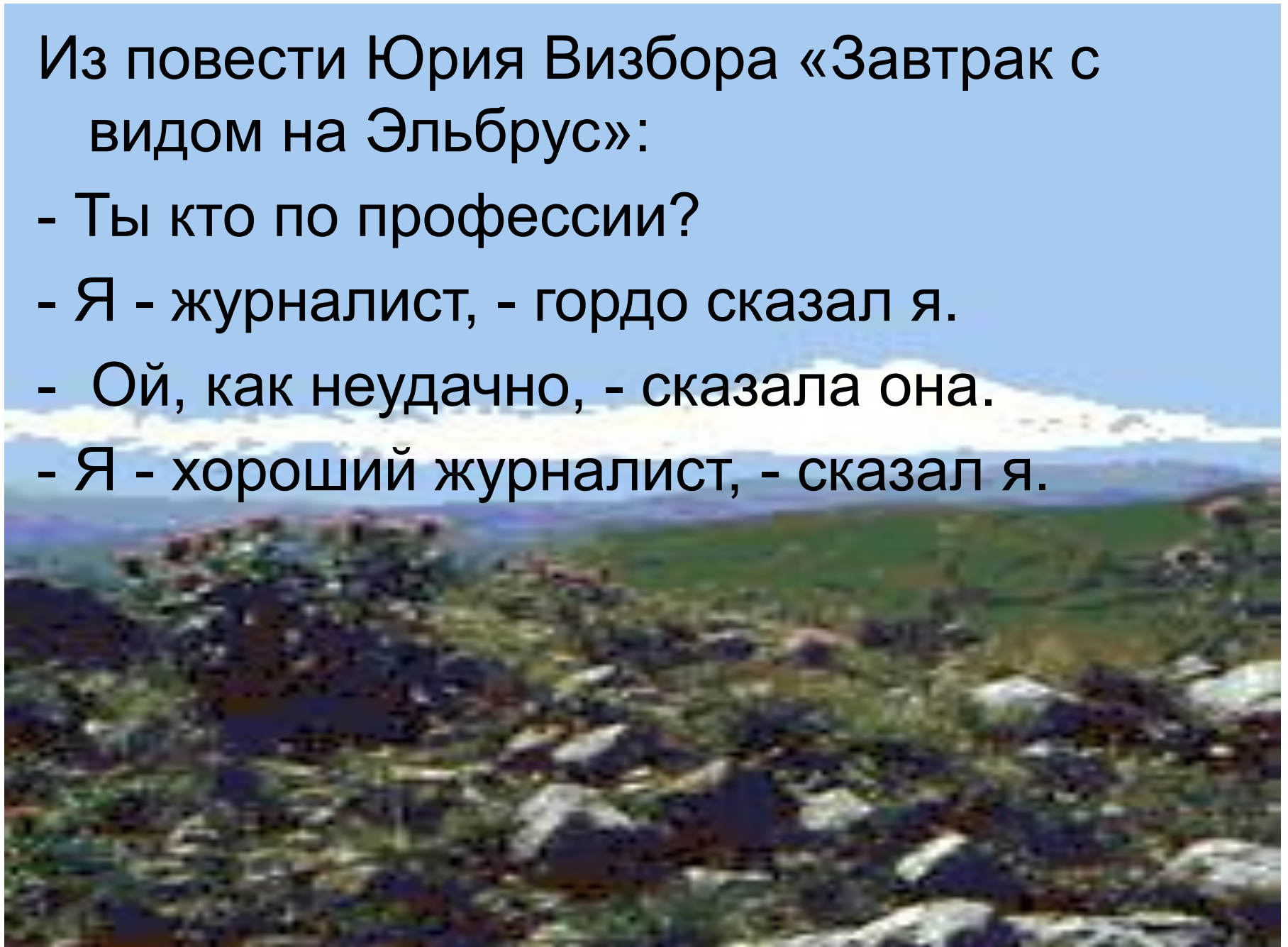
Второй - стройный, светловолосый, в зеленой ковбойке, и, замечу, очень симпатичный - время от времени что-то добавляет, и тогда вся компания взрывается хохотом.

- Кто это? - осведомляюсь у присевшей рядом однокурсницы.
- Ты не знаешь, кто? - искренне удивляется она. - Это же Володька Красновский и Юрий Визбор. В него пол-института влюблено! Я не уточняю, в кого именно».

Из повести Юрия Визбора «Завтрак с видом на Эльбрус»:

- Ты кто по профессии?
- Я - журналист, - гордо сказал я.
- Ой, как неудачно, - сказала она.
- Я - хороший журналист, - сказал я.

Вспоминает известный бард Юлий

Ким: «Вот он стоит на сцене - мешковатый и в то же время ладный, чуть наклонившись через гитару к микрофону, улыбается.

У него замечательная улыбка, мгновенно располагающая к нему: здравствуйте, мы все тут свои люди, давайте, ребята, споем что-нибудь...

Душа всякой хорошей компании. Не тамада, не кумир, а именно душа. Его обаяние действует само по себе, без усилий. Он не стремится первенствовать, он слушает других, и слышит, и всегда откликается...

Он помнит массу историй, какие пережил сам и не сам, и вот рассказывает такой своей скороговорочкой, пересыпанной смешком, на все лады и обязательно в лицах... И любишься, и заслушиваешься, бывало».

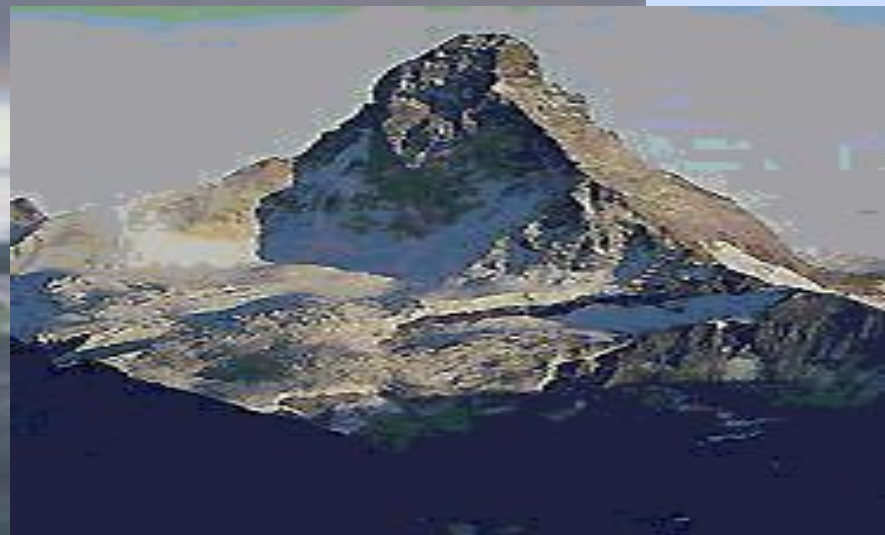
Вспоминает Татьяна Визбор: «В то утро, 16 августа 1978 года, на альплагерь опустился сплошной туман. Как шутили тогда: "В раю было холодно, шел снег и дул ветер". На зарядке свою же вытянутую руку невозможно было разглядеть. Наша группа новичков должна была выходить на занятия в ущелье Мырды. Когда мы стояли на построении, мимо нас, казалось, не видя ничего перед собой, пробежал отец с перекошенным лицом в полном альпо-обмундировании. Я тогда ничего не поняла, а после мы узнали, что произошло несчастье. Группа из пяти человек, участвовавшая в соревнованиях... Короче: Олег Коровкин погиб, Ковуненко, Зыбин, Башкиров - многочисленные сложные ожоги разной степени.

Карпов - единственно не пострадавший! Ночью к ним в палатку залетела шаровая молния... Коровкин умер, даже не проснувшись... Самое обидное, что все было сделано по правилам, ошибки не было: они ночевали за 100 метров от гребня, и все металлические вещи отнесли за пределы лагеря. На спасательные работы были брошены все разрядники, все значкисты. Первая группа ушла в 8 утра, последняя пришла в 2 часа ночи. Отец ассистировал доку прямо на горе. Оставаясь в лагере, мы готовили палатку для раненых. В три часа ночи лагерь еще не спал, все курили - и те, кто собирался бросать, и те, кто бросил 20 лет назад, и те, кто вообще не курил».

*Ну как же тебе
рассказать, что
такое гора?*

Скала

[TASS]

• **Вспоминает Алла Яковлева:** «Однажды мы с Юрием решили с свекровью, журнал. Мы около две песни. Ты благополучно разразилась никакие. В таком слушании Визбору: дрожат!" " нас песня вагонным всхлипнула ей помчалась ошарашенные халате и, вас будут конечно, и "холодные..."».

Юрием
эглинке. Моя
тала
та тахту
ринялись за
ы
, а на пятом
веты - это
лучше в
озмущаться
ают, что
я, - ведь у
кат за
щие!" Я,
и вместе с
погнался
эвна в
ить, какие у
э!" Я,
и стали

- Вспоминает Ада Якушева: «Визбор часто повторял блоковское утверждение, что "только влюбленный имеет право на звание «человека»". В этом состоянии он был очень заметен. Это было очень замечательно. Он был первым секретарем, и тогда основательно выжились формализм и бюрократические отношения. Визбор был на горизонте, и он снимал с себя маску. Но, правда, он не любил изучению фольклора. Он был из тех областей, где фольклор не изучался. Но, правда, он любил изучение фольклора. Он был из тех областей, где фольклор не изучался. Подозреваю, что он хотел вылепить целую скульптуру. И когда на свадьбе моей жены делилась с ними этими историями, так что они засмеялись со мной. Так что шутистую фразу Горького: «Это было три жены назад...»».

Помни войну! Пусть далека она в тумане.
Годы идут, командиры уходят в запас.
Помни войну! Это, право же, вовсе не странно:
помнить все то, что когда-то касалось всех нас...

Из дневника Ады Якушевой: «Утром приехал Максим и сказал, что Визбор тяжело болен. Диагноз плохой.

Хозяин дома, Василий Михайлович Белов, человек : спокойный и рассудительный, много лет проработавший сельским фельдшером, попытался успокоить нас, припомнив, что в подобных случаях может помочь отвар из цветов картофеля.

"Господи, - подумала я, - возьми от меня и передай Юре мои силы." А сил-то уже и не было. Ночью меня скрутила страшная судорога. Мне показалось, что я сама умираю. А когда утром очнулась, увидела, что вся наша маленькая дачная команда... уже ожидала с корзинами в руках.

Надо было собирать цветы картофеля.

В Москве я сразу позвонила Юре:

- Давай держаться, - сказала я. - А то родили дочку, а сами разлеглись - это нечестно.
- Давай держаться, - ответил он.
- Я забегу к тебе, ладно?
- Забегай, но ты меня, наверное, не узнаешь, я очень похудел.
- Ты меня тоже. Я вся синяя, и щеки ввалились. Ноя повешу на шею табличку с фамилией, как у нас на вечере встречи выпускников института.

Это был наш последний разговор. Юра умер 17 сентября 1984 года».

Вспоминает Юлий Ким: «В сентябре я говорил с ним последний раз по телефону. Он был безнадежно болен и, кажется, знал об этом. Голос его был слаб, но бодр.

- По утрам отпускает, а к вечеру опять... - сказал он. - Зайди как-нибудь утром, денька через два.

- Чего тебе принести?

Тут он помедлил, а потом с какой-то полушутливой яростью сказал:

- Знаешь, принеси мне яду. Такого, знаешь, незаметного, без запаха и вкуса, и чтоб сразу.

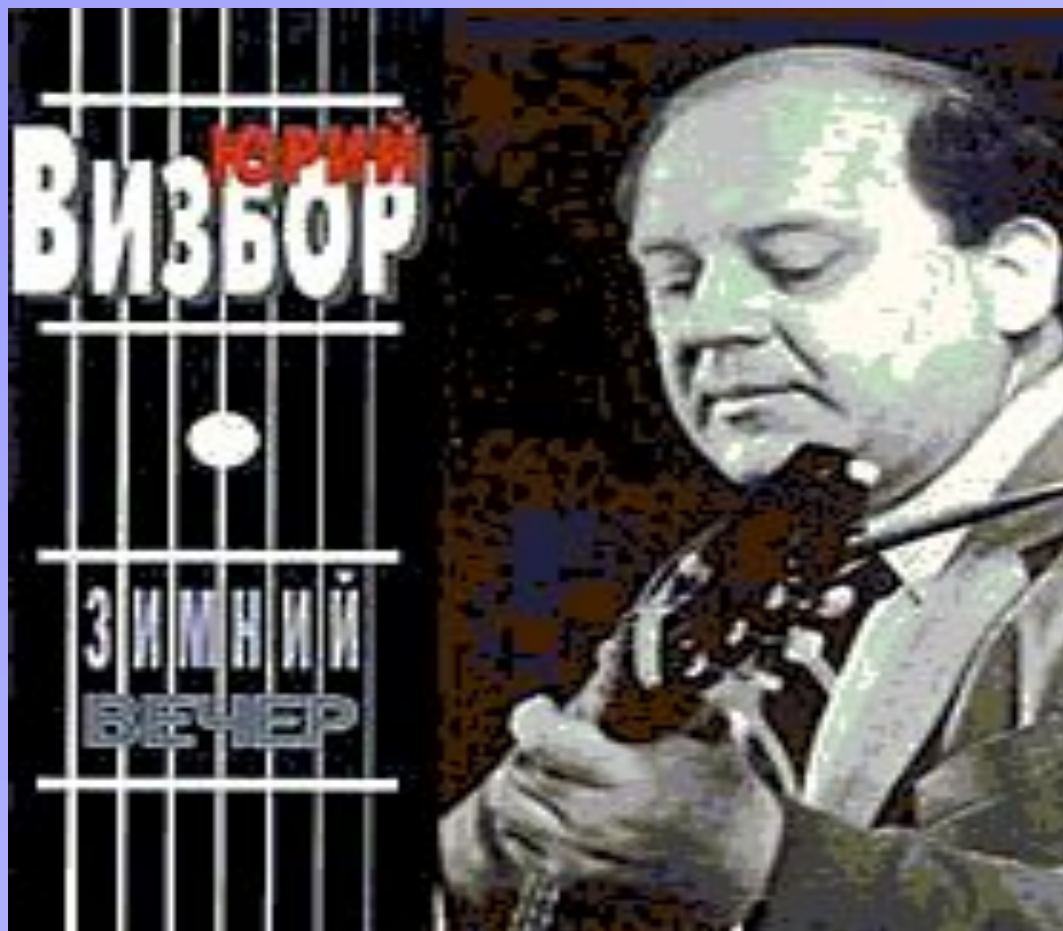
Я вроде бы нашелся.

- Юр, прямо не знаю. Есть, конечно, у меня цианистый калий, вон целая цистерна, но ведь пахнет, зараза! Горьким миндалем.

Визбор хохотнул и тут же своей скороговорочкой сообщил мне историю, как одного мужика не брал цианистый калий, ну совершенно, и он шантажировал своих семейных, выпивая у них на глазах по стакану отравы. Но однажды забыл, что нельзя сразу после этого пить черный кофе...

- Позвони мне послезавтра. Может, увидимся. Захвати... гм... какого-нибудь интересного чтива, хорошо?

Но послезавтра уже нельзя было к нему. А через неделю - я увидел его. А он меня - нет».

***«Наполним
музыкой сердца».***

